ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС В ЖЕНЕВЕ*

До самого последнего времени представители почти всех научных дисциплин (естествознания, медицины, истории во всех ее видах) устраивают периодические съезды для личного обмена мыслей, и то обстоятельство, что эти съезды повторяются, показывает, что польза их всеми признана. Съезды эти в последнее время расширяются: замечается стремление к тому, чтобы придавать им международный характер. Из всех наук одна только философия не помышляла ни о каких съездах, не усматривая, очевидно, в них для себя никакой пользы. Но вот в 1900 году, во время последней всемирной Парижской выставки французские философы решили организовать международный конгресс философов. Съехалось довольно много представителей философии различных стран. Работа съезда была очень оживленная. Труды съезда вышли в 4-х томах. Такой успех побудил организаторов съезда повторить его, и вот второй съезд был назначен на 1904 год в Женеве.

Многие склонны думать, что философские съезды не могут иметь значения потому, что философы вследствие индивидуального характера их творчества вообще не чувствуют потребности в обмене мыслей. По той же причине философы обнаруживают мало толерантности. Они, вследствие крайней сложности философских вопросов, не могут совместно обсуждать их и не могут приходить к соглашению. Поэтому они, разумеется, и не нуждаются в съездах. Мне это кажется несправедливым. Можно вполне согласиться, что построение философских систем носит индивидуальный характер; поэтому едва ли истинность или ложность систем может подлежать обсуждению. Но, ведь, в философии есть очень много частных вопросов: например, вопросы психологии, теории познания, логики и истории философии, наконец, вопросы философии наук, т.е. высшие обобщения отдельных наук. Эти вопросы так же допускают обсуждение, как и вопросы всех других наук. В этом смысле философия, как и все другие науки, является предметом коллективного творчества. Поэтому коллективное обсуждение философских вопросов может иметь значение для развития философии.

Отправляясь на конгресс, мне хотелось проверить эту мысль, казавшуюся мне несомненной, и действительно я вернулся с убеждением, что съезды могут иметь весьма важное значение для развития и популяризации самой философии.

Я позволю себе познакомить наших читателей с работами конгресса. Укажу на достоинство и недостатки конгресса, чтобы читатели сами могли оценить его целесообразность.

Второй философский конгресс был организован следующими лицами: председателем организационного комитета был *Гур,* профессор

---

* Настоящая статья, как и опубликованные ранее в данной рубрике материалы, приводятся в оригинальной версии с целью передачи духа своей эпохи. – *Ред.*

философии женевского университета. Почетным председателем был *Эрнест Навилль,* философ хорошо известный в философской литературе. Занятия конгресса начались 26 августа в зале торжественных собраний женевского университета. Заседание началось приветственной речью профессора Гура.

«Мы обязаны, – так начал оратор, – нашим парижским товарищам прекрасной инициативой. Это было за несколько месяцев перед последней всемирной выставкой. Из всех стран, из всех обществ, из всех центров труда промышленность, торговля, изящные искусства готовились выставить свои лучшие произведения. Проектировались конгрессы представителей одних и тех же материальных интересов... Равным образом различные науки должны были иметь свои конгрессы. В этом общем движении психология не оставалась позади. Она чувствовала себя очень хорошо после конгрессов, которые были в Париже, в Лондоне и в Мюнхене, и подумывала о том, чтобы созвать в четвертый раз своих представителей. Только философия, философия в собственном смысле этого слова, мать психологии и всех наук, должна была колебаться, потому что до сих пор она не делала никаких попыток... Но что же? она потеряла всякую силу, всякое доверие в самое себя, всякую потребность в доказательстве своей жизненности? Или она дошла, наконец, до такого состояния, что ей оставалось просить, чтобы ей дозволили только жить... или умереть отвергнутой среди иллюзий, с каждым днем возрастающих, ей неспособной выдержать публичности обсуждений и вынести из этого какую-либо пользу? Это именно было то, что говорили вокруг нее...

«Но можно ли сказать, что философия умирает? Наоборот, никогда философия не жила более широкой, более интенсивной жизнью, никогда она не производила большего числа работ, столь разнообразных и столь глубоких, никогда она не испытывала больше смелости в том, чтобы вновь поставить и вновь приступить к решению своих страшных вопросов. Правда, ей пришлось перенести болезнь: неблагожелательство и даже презрительное отношение отдельных наук сильно повредили ей в общественном мнении, мало осведомленном относительно интеллектуальной солидарности. Да, наконец, уход психологии, совершившийся с громадными шумом, мог заставить думать, что единственная прочная часть ее владений, все более и более ограничиваемых, ускользнула от нее... Но сколько самодеятельности плодотворной, сколько идей будущего, сколько движения и богатства в ее эволюции мы замечаем в последнее время... Мы не желаем выражаться с презрением ни об одной эпохе, но кажется можем сказать, что философия окончила столетие с ресурсами, которых она не имела ни в начале столетия, ни позже...»

«О философах думали, что они не общительны, что каждый из них живет в самом себе и для самого себя, что они не читают друг друга, что во всяком случае они не считаются друг с другом. Философия оставляет их в полной изолированности. Если бы они чувствовали тяжесть этого, то они, конечно, попытались бы проникнуть на конгресс психологии, где им оказали бы радушный прием, но они там не вполне чувствовали себя дома...».

«Честь и благодарность тем, которые сумели пожелать большего. Благодаря их инициативе, благодаря их уменью, благодаря их самопожертвованию мы имели конгресс в 1900 году, конгресс для нас, конгресс, который настолько удался, что тотчас стали думать о том, чтобы найти для него преемника».

Оратор затем одобрительно отозвался о роли журналов, которые держат на стороже философию, напоминают о важных идеях, пущенных в обращение и облегчают знакомство с ними. Но журналов самих по себе недостаточно. Нужно еще нечто, что в отношении к журналам было бы тем же, чем журналы являются по отношению к книге. Это именно и делают конгрессы. Те, которые присутствовали на конгрессе в Париже могли конечно убедиться в этом. Особый успех этому замечательному конгрессу сообщило то обстоятельство, что он внушил философам столь благотворное чувство их солидарности...

После Гура говорил 89-летний философ Эрнест Навилль, речь которого была выслушана с большим вниманием и интересом. Он занят был вопросом об определении философии. По его определению *философия есть стремление духа к единству и к гармонии в жизни теоретической и практической*. Это единство, по мнению Навилля, находится только в христианской доктрине творения. «В начале Бог создал небо и землю». Так начинается книга евреев, которая сделалась первой частью христианской библии. Я не имею в виду пользоваться авторитетом текста, – говорит г. Навилль, – философия не допускает никакого авторитета подобного рода. Я бы сказал, что философия является по существу светской (lanque), если бы мы захотели сохранить за этим словом его истинное значение и не делали бы термины «светский» и «безрелигиозный» синонимными. Такое отождествление есть извращение речи, смешение идей, которое имело самые пагубные последствия. Но есть два авторитета, которым философия должна оставаться подчиненной, если она не желает заблудиться, это авторитет *разума* и авторитет *опыта*. Это два авторитета, которые необходимо примирить для того, чтобы решить проблему единства принципа мира и множественности элементов, из которых этот мир составлен. Относительно доктрины творения, которая, мне кажется, единственно хорошо решает проблему, вот что я думаю. Эта доктрина состоит конечно в религиозной традиции. Но философия еще очень далека от того, чтобы понимать ее природу, исследовать ее глубины и вывести из нее все последствия. В этом отношении необходимо совершить громадную работу... Я думаю, что мир носит в настоящее время в своих недрах зачатки философии, относительно новой: это именно последовательный и совершенный *спиритуализм, философия воли*. Мне кажется, можно усмотреть на горизонте мысли некоторые признаки его расцвета...

При настоящем состоянии знания весьма важно сохранить и развить стремление духа к единству и гармонии. Разделение труда, которое, как кажется, является одним из условий развития промышленности, приводит рабочих к такой специализации, которая представляет очень серьезную опасность. Если делать каждый день одно и то же, то это вредит развитию ума. То же самое справедливо и по отношению к наукам.

Несмотря на стремление к единству, наблюдения так умножились, что факты известные или долженствующие быть известными во всех исследованиях становятся настолько многочисленными, что за исключением только энциклопедических гениев вроде Аристотеля или Лейбница, они не доступны для человеческого ума. Для обыкновенного человеческого ума сделать какие-либо открытия значит специализировать свои исследования. Но слишком специализироваться значит подвергаться опасности сузить свой ум. Общность изучения, которой требует философия, есть предохранительное средство против этой опасности. Вот почему, чем больше специализация возрастает в науке, тем более необходимой делается философская культура. Что меня касается, прибавил Навилль, то я поставил бы в конце изучения всех групп наук серьезный экзамен по философии для тех, кто желает получить высший диплом. Я бы желал, чтобы теологи сохранили дух открытым для всех исследований человеческого разума, чтобы юрист не был исключительно поглощен изучением кодексов, чтобы медики не забывали, что тело, предмет их лечения, не есть человеческое существо всецело, и чтобы инженеры не были предрасположены принимать человека за машины, и чтобы литераторы и артисты не были до такой степени очарованы прелестью формы, чтобы забывать об истине. Философия, хорошо понятая, основанная на общем обзоре результатов всех наук, есть один из существенных элементов высшей культуры».

После Навилля говорил парижский профессор *Бутру* на тему: «о роли истории философии в изучении философии». Вопрос, который он разбирает в своем докладе, сводится к следующему. Нужно ли, чтобы тот, который разрабатывает философские вопросы, давал место в своих исследованиях истории философии и если да, то каково это место. Чтобы ответить на этот вопрос, Бутру исследует те воззрения, которые обыкновенно высказываются против вмешательства истории философии в философию. Прежде всего он останавливается на возражении, которое в настоящее время выводится из теории *эволюции*. Основываясь на принципе, что все изменяется и ничего не повторяется, потому что всякая вещь приспособляется к своей среде, сторонники эволюции считают бесполезными такие исследования, которые не касаются современной цивилизации, потому что, по их мнению, время производит необходимый отбор: все то из прошедшего, что заслуживает переживания, пережило на самом деле и, следовательно, существует в настоящем; настоящее это есть само прошедшее, в том, что оно создало жизненного и прочного. Поэтому для объяснения настоящего нет необходимости прибегать к прошлому. Таковы возражения, которые обыкновенно приводятся с точки зрения эволюционной. Бутру на это замечает, что эволюционная точка зрения дает право на заключение также совершенно противоположного характера. Можно ли утверждать, что в прошлом есть только прошлое и что спинозистическое различие между временным и вечным есть только чистое изобретение философов? Можно ли сказать, что прошедшее просто прошло во всех своих пунктах и что мы в нем ничему не можем научиться? История философии показывает нам как раз

обратные примеры. Именно она на каждом шагу показывает примеры возобновления учений, которые мы считали погибшими.

Бутру находит, что еще и теперь мы можем учиться у мыслителей прошлого. Вполне законно и очень плодотворно забывать от времени до времени те объяснения, которым авторы подвергались со стороны потомства для того, чтобы без предрассудка стать перед их произведения и попытаться проникнуть в них, становясь на их точку зрения. В таком случае мы почти всегда замечаем у автора что-нибудь больше того, чем ему приписывается ходячей критикой. Настоящее совсем не есть мерило того, что есть наиболее жизнеспособного в прошедшем. Ум не предубежденный найдет в памятниках наиболее старинных многие мысли, которые время не развило и которые заслуживают быть развитыми. Мы можем делать открытия в их произведениях.

Конечно, нельзя согласится с Гегелем, когда он отожествляет историю философии с самой философией: и то и другое, как известно, является для него логическим развитием мировой мысли. По мнению Бутру, философская мысль, имеющая какое-либо значение, должна отличаться двумя признаками: она должна с одной стороны быть *личной,* с другой стороны, она должна связываться с *универсальной* мыслью. С этих, двух точек зрения история философии играет очень существенную роль. Каким образом обыкновенно рождаются философские призвания? Не происходит ли это из постоянного общения с какими-либо великими умами прошлого. Не из случайного мышления или из мышления без руководства мы делаемся самим собою. Скорее это происходит вследствие того, что мы «возжигаем огонь нашей души на пламени какого-либо великого духа, которого мы избираем в силу нашего естественного с ним родства».

История философии необходима таким образом для того, чтобы воспрепятствовать индивидууму замыкаться в свое сознание и чтобы научить его соединять свою мысль с универсальной мыслью. В самом деле, каким образом можно вставить свою собственную работу в работу веков, если мы не приобретаем интимного познания не только отдельных идей, но живой мысли философов, не только систем взятых индивидуально, но и связей, которые их соединяют. Такой работой приобретается участие в общей жизни человеческого духа. Это способ приобретения «частички вечности». История философии есть совокупность усилий философского духа, объективированного и ощутимого в его результатах.

Доклад Бутру вызвал замечания *Виндельбанда, Штейна, Кантони, Е.В. Де-Роберти, В.Н. Ивановского, Аарса, Бенруби, Ительсона, Ро.* Большинство возражавших пытались дать свое собственное определение философии и только последний из возражавших, именно Ро, указал на то что, по его мнению, в современной жизни слишком много все считаются с прошлым, что нужно от этого эмансипироваться и при философском образовании обращать больше внимания на приобретения современной культуры.

На второй день, 27 августа, начались занятия по секциям. Секции были следующие: история философии, психология, логика, общая философия. История наук, философия наук, социология. Я позволю

себе привести список сообщений, дабы читатели имели представление о характере сделанных на конгрессе сообщений.

В секции по «истории философии» были прочтены следующие сообщения:

Страшевский (профессор Краковского университета): «Проблема пространства» и второй доклад на тему «Сравнительный метод в истории философии».

Пиа (из Парижа): «Об идеях в последних диалогах Платона».

Вернер (из Женевы): «О Боге по Аристотелю».

Бове (из Нешателя): «Переводчики Декарта».

Бенруби (из Берлина): «Требование Руссо возвращения к природе».

Гейер (из Упсалы): La sagesse du docteur Bonne-homme (poète et philosophe suédois 1756 —1829).

Киапелли. «Теория ценности». (Прочитал за отсутствием докладчика профессор Кантони.)

В секции «психологии» были прочитаны следующие сообщения:

Александер (из Будапешта): «Об единстве духовной жизни и его различных проявлениях».

Кон (профессор Фрейбургскаго университета). «Интуиции и понятие».

Флурнуа (профессор Женевского университета): «Панпсихизм как объяснение отношения души и тела».

Стронг (из Нью-Йорка): «Некоторые соображения по поводу панпсихизма».

В секции по «логике» *Фер* (профессор Женевского университета) произнес речь на тему: «Об отношении между логикой и математическими науками». *Андре Навилль* (проф. из Женевы): «О понятии исторического закона». *Ительсон* (из Берлина): «О реформе логики».

В секции «общей философии»: *Бергсон* (проф. из Парижа) прочел сообщение на тему «О софизме общем реализму и идеализму». В этом сообщении он доказывал, что утверждение психофизического параллелизма производит смешение между точками зрения параллелистической и идеалистической. Идеалист, который высказывается в пользу параллелизма, без ведома для самого себя делается реалистом, и с другой стороны реалист, который высказывается в пользу параллелизма, делается идеалистом без ведома для самого себя. Этот прекрасно прочтенный доклад вызвал многочисленные возражения, в которых принимали участие: Э. Навилль, Козловский, Штейн и Дарлю.

В секции «истории наук» Лебон (из Парижа) прочел доклад: «Об одном вопросе относительно приоритета из истории солнечных пятен».

В общем заседании того же дня были прочтены два доклада на одну и ту же тему, именно на тему *об определении философии.* Один доклад был прочтен *Штейном,* проф. Бернского университета, известным автором сочинения «Социальный вопрос при свете философии». Предметом философии, по Штейну, является не больше, не меньше как вся вселенная, в том виде, в каком она обнаруживается в природе и в истории. Указав затем на то, что методы понимания и исследования вселенной изменяются вместе с научными вкусами той или другой эпохи, Штейн сделал исто-

рический обзор некоторых определений философии. Затем он указал на то, что не разделяет ни взглядов тех, которые, подобно Гегелю, понимают под философией идею мыслящую саму себя, как венец, замыкающий мировую пирамиду; он не согласен и с теми современными взглядами, согласно которым философия не имеет права на существование. Для него философия является совершенно объединенным познанием той или другой эпохи. Но так как познание все расширяется и углубляется и вместе с тем усложняется, то задача философии, заключающаяся в том, чтобы внести единство понимания в множественность познания, с каждым днем становится все труднее и труднее. Тем не менее, пока мы на земле ищем познания, пока мы стремимся к истине, пока мы ищем единства в мировом целом, до тех пор будет существовать философия. Философия, как руководящая наука, будет существовать до тех пор, пока будет существовать культура.

Штейн делит философию на две части, именно на *философию природы,* которая стремится соединить в одну единичную систему механические законы вселенной, и *философию культуры*, которая имеет целью объединить и систематизировать целевые законы человеческих действий, отношений и учреждений. Вследствие этого на долю метафизики выпадает задача определить, каким образом механические естественные законы, которые управляют вселенной, в конце-концов согласуются с законами, имеющими телеологический характер и которые управляются человеческим обществом. Назначение философии заключается в том, чтобы открыть единство закона в природе и в духе и представить в систематической форме то, что другие науки представляют в отрывочной форме.

После Штейна на ту же тему об определении философии читал Женевский профессор *Гур.* Философия по его определению должна быть наукой, и притом наукой, имеющей характер универсальности. Но в каких науках и при каких условиях эта всеобщая или наука всеобщего может осуществиться? Она может осуществиться, по мнению Гура, прежде всего в *психологии,* если эта последняя понимает дух, как имманентное и универсальное условие данной реальности. Наука универсального может осуществиться также в *метафизике,* т.е. в исследовании, имеющем своим предметом не условие данной реальности, но реальность данную саму по себе, рассматриваемую в ее универсальности. Наука всеобщего может реализоваться наконец в *канонике* или в нормативной науке всех дисциплин духа (нравственность, искусство, религия). Понимаемые таким образом, эти три науки будут находиться в тесной связи друг с другом, они будут опираться друг на друга; они будут истекать из того же духа и в конце-концов они составят только три части одной и той же науки, науки всеобщего.

На третий день в секции «моральной философии» *Лапи* (из Бордо) прочел доклад на тему: «Может ли моральная философия выступать в качестве науки».

В секции «философии наук» доклад *Мило* (из Монпелье). «Заметка об идее науки» (прочитан Блумом).

Гартманн. «Физическое определение силы».

Вебер (из Парижа). «О видах на успех в физических занятиях».

Пикте (из Берлина). «Потенциал и современная наука».

Андрад (из Безансона). «Механическая геометрия».

В секции общей философии были прочитаны доклады *Лаланда* (из Парижа) «О философском словаре» и *Кутюра* «Об идее интернационального языка».

Оба эти доклада представляют выдающийся интерес. Первый докладчик выходит из предположения, что многочисленные и часто совершенно напрасные споры, происходящие в настоящее время в философии, зависят от того, что терминология, употребляемая ею, имеет крайне неопределенный характер. Это неудобство могло бы быть устранено, если бы был составлен такой философский словарь, в котором за теми или другими терминами фиксировалось бы вполне определенное значение. Докладчик сообщил, что идея такого словаря, сообщенная им на первом философском конгрессе, частью уже близка к осуществлению. Именно «Французское философское Общество» уже составило такой словарь. Но еще эта работа не закончена. Он предложил членам конгресса образчик такого словаря. В нем под каждым термином дается определение, при нем сообщаются также все замечания, которые были сделаны членами этого общества по поводу того или другого термина. Докладчик просил также членов конгресса, принять участие в составлении указанного словаря. Эрнест Навилль высказался в пользу важности такого словаря.

Кутюра хотел добиться от конгресса санкционирования его идеи, именно необходимости интернационального языка. Автор не предрешает вопроса о том, каким образом этот язык может быть создан и каким этот язык должен быть. Он только находит, что необходимо ввести такой язык, который мог бы употребляться не только для общения обиходного, но и для научного и философского, каковое общение, по его мнению, совсем не соответствует современному развитию путей сообщения и т. п. Язык этот должен быть построен настолько просто, чтобы мог быть усвоен всяким получившим элементарное образование. Язык какой бы то ни было национальности исключается, потому что введение языка того или другого народа дало бы преобладание этому народу. Кутюра сообщил, что более 200 обществ со всех частей мира соглашаются признать, что изучение международного языка значительно облегчило бы задачу общения между учеными, коммерсантами, и т. п. Эта задача отвечает постоянно возрастающей потребности кооперации между народами, потребности, которая недавно дала начало международному союзу Академии. Обсуждение этого доклада было отнесено на последний день заседания. Людвиг Штейн высказался в том смысле, что введение одного интернационального языка могло бы иметь громадное значение для эволюции человечества, создав огромную экономию в его интеллектуальной жизни.

Конгресс вотировал в пользу интернационального языка.

В этот же день в общем заседании профессоров Гейдельбергского университета *Виндельбанд* произнес речь, под заглавием: «Современная

задача логики и теории познания в отношении к естествознанию и к истории культуры».

Жизнь должна быть пережита раньше, чем она сделается предметом обсуждения, т.е. наука должна процвести прежде, чем она придет к самосознанию или к философскому формулированию. Вследствие этого и задача логики определяется теми или другими формами научной жизни: метод еще никогда не мог быть создан одной только мыслью. Логика зависит от частных наук, установленных раньше ее. Можно прямо сказать, что логика греков вышла из спекуляции Парменида и Демокрита, современная логика получила начало от методов, провозглашенных учеными эпохи «Возрождения». Задача логики различна в естествознании и в науках гуманитарных. Если рассматривать естествознание, то может быть было бы справедливо сказать вместе с Платоном и Аристотелем, что она есть наука *общего,* наука о понятиях или сказать вместе с современной наукой, что предметом естествознания являются законы. Что касается истории, то ее предметом не является что-либо общее: то, что интересует историка, есть частное. Исторические факты имеют частный характер. Задачей историка является восстановление какой-нибудь отдельной картины прошлого со всеми ей присущими индивидуальными чертами. Это различие между мышлением в одном случае и в другом обозначается терминами *номотетический* и *идиографический.*

Исторические факты имеют частный характер, о них нельзя сказать, что они подчинены необходимости. Но если о них нельзя сказать, что они подчинены необходимости, то к ним можно применить понятие *ценности.* То, при помощи чего мы понимаем единичные явления, есть принцип ценности. Понятие ценности применяется следующим образом. Не всякий индивидуальный факт является предметом истории, а только лишь тот, который имеет ценность, если он может служить для построения целого. Понятие ценности это такое понятие, эквивалентное которому мы напрасно стали бы искать в науках естественных. Определяя ценность, мы в то же время определяем то, что является лучшим. Эта работа, при помощи которой созидается система ценности, есть работа культуры.

Если, таким образом, между одной группой наук и другой существует такое глубокое различие, то, спрашивается, не должна ли логика принимать это различие в соображение?

Не следует думать, что только общее может быть предметом научного познания. Таковым может быть также и индивидуальное, т.е. предмет истории культуры, которая сделалась наукой только в недавнее время. Вследствие этого для логики созидается новая задача: она в настоящее время должна обращать внимание не только на естественные науки, но также и на историю. Она должна удовлетворить и ту, и другую дисциплину, которые вместе составляют целое человеческое познание. Только тогда она будет тем, чем должна быть, именно наукой о тех методах, при помощи которых ум человеческий приходит к истине. В настоящее время одна из главных ее задач заключается в том, чтобы отыскать единство в противоположности между естествознанием и историческими науками,

между науками об общем и науками о частном, необходимом и случайном. Мы видели, что существует огромное различие между номотетическим познанием, которое стремится к постижению закономерного, постоянного и необходимого, и между идеографическим познанием, которое стремится к постижению единичного, индивидуального и случайного. Между ними существует дуализм, который необходимо сгладить. Это можно было бы сделать, если бы индивидуальные явления стали объяснять из всеобщей закономерности вещей, подобно тому, как Лейбниц думал, что в конечном счете всякие verités de fait имеют свое достаточное основание в verités eternelles. Но следует признать, что и Лейбниц мог это сделать в виде требования к божественному мышлению и не мог применять к человеческому мышлению. Таким образом дуализм между индивидуальным и общим, между случайным и необходимым остается неустраненным.

В прениях по этому докладу приняли участие многие. *Лассон* (проф. из Берлина) нашел, что между естествознанием и науками о духе не существует никакой пропасти, но что существует непрерывный переход между случайным и необходимым. *Штейн* видит в периодичности исторических явлений, известном ритме событий, мост между науками о духе и естествознанием. Исследованием периодичности социальных явлений занимается социология. Ительсон (из Берлина) указал на то, что докладчик, определяя современные задачи логики, коснулся только естествознания и истории и совершенно напрасно не коснулся математики. Если бы он это сделал, то задача логики представилась бы ему в совершенно другом виде. *Бутру* на указанное Виндельбандом различие между индивидуальным и общим заметил следующее. Индивидуальное, поскольку оно не может быть объектом какой-либо науки, все таки содержит нечто общее, если только, как на это указывал уже Декарт, мы его анализируем. По тому же докладу высказались также Henri Berr (из Парижа), Страшевский (из Кракова).

В четвертый день работы по секциям распределялись следующим образом: В секции «истории философии» *Андлер* (из Парижа): «Социальная философия Канта и кантианцев (прочитана за отсутствием докладчика Piot).

Бруншвигг: «Религиозная философия Шпира» (прочитана Ксавье Леоном).

Тумаркина: «О различных силах в кантовской критике силы суждения».

Виндельбанд: «О Конте и Фихте».

Эльзенганс: «О фризовском методе в теории познания».

В секции по психологии прочитаны сообщения:

Леклер (из Берна) «Первоначальность эстетической эмоции».

Георгова (проф. из Софии): «О грамматическом развитии языка у детей».

Блум (из Монпелье): «Метод и разделение педологии».

Дюпруа (из Женевы): «Мен де Биран и проблема воспитания».

Пейлоб (из Парижа): «Определение элементов сознательной жизни».

Море (из Женевы): «Метод литературной этнопсихологии».

В секции «социологии» *Буатель* (из Парижа): «Понятие моральных личностей» (прочел Комботекра).

В секции «истории наук»: *Дюгем* (из Бордо) читал историю динамики. Об ускорении, производимом постоянной силой.

Задгоф (из Дюссельдорфа) Neueste Werthungen des Theophrastus von Hohenheim.

В секции «логики»: *Кутюра* (из Парижа): «Алгоритмическая логика».

Ительсон (из Берлина): «Логика и математика».

В том же общем заседании *Парето,* проф. в Лозанне, прочел речь под заглавием «Индивидуальное и социальное», передать содержание которой для меня представляется невозможным. Приблизительно смысл речи сводился к следующему: Обозначение терминов «социальный» и «индивидуальный» кажется вполне очевидным, но при некотором обсуждении можно видеть, что они часто очень неточны. При употреблении этих терминов мы больше руководимся известными чувствами, а не заботимся главным образом о том, чтобы эти термины соответствовали объективным реальностям.

Людвиг Штейн заметил, что неясность, которая существует в понятиях индивидуальный и социальный, заставляет нас возвратиться к разбору понятий, номинализма и реализма. На это докладчик заметил, что он этих терминов не понимает. В прениях этих принимали участие также Леви и Галеви из Парижа.

На пятый день в секциях происходили следующие занятия:

Секция «общей философии» *Биллиа* (из Турина): «Единство философии и теории познания».

*Pauh (*из Парижа): «Положение проблемы о свободе воли».

Аарс (из Христиании): «Гипотезы как основы общих идей и абстракции». Его же второй доклад «Моральные идеи и антиморальная наследственность».

Дарлю (из Парижа): «Государство в демократии».

В секции «философии наук»: *Аппюн* (из Орлеана): «Теория Эпигинеза и индивидуализм тела у Спинозы».

Аббатъ Бюллио (из Парижа): «Аристотелевская теория бытия и современная наука».

П. Бутру (из Парижа): «Понятие соответствия в математическом анализе».

Реймон (из Лозанны): «Геометрическое суждение».

Томазина (из Женевы): «Основные физические понятия по Спенсеру».

В секции по «социологии». Винярский (из Женевы) «Экономический принцип и классификация социальных наук». *Бирюкова:* «Основные идеи философии Толстого».

Риаф: «Обновление методов в социальной науке».

Кармэн: (из Женевы) «Терминология наук политических и социальных».

Дарель: (из Женевы) прочла доклад на тему: «Наука и вера».

Беллончи (Болонья): «Прагматистская философия и мораль».